БОГДАНА ТАЛЬ

ЛИЧНЫЙ РЕВИЗОР ДЛЯ БОССА

Богдана Таль

Личный ревизор для босса

«Автор»
2026

Таль Б.

Личный ревизор для босса / Б. Таль — «Автор», 2026

В тридцать один год моя жизнь помещалась в график ипотечных платежей, утреннюю давку в автобусе и ночную подработку за старой швейной машинкой. Я верила, что мы с мужем преодолеем всё, пока в день нашей пятой годовщины не застала его в прихожей с собранным чемоданом и дочкой его шефа. Уходя в «красивую жизнь», он не только назвал меня скучной тёткой, пропахшей бытом, но и оставил меня с восьмилетним сыном один на один с неоплаченной ипотекой за три дня до списания.Чтобы спасти единственное жильё, в понедельник утром я бежала в офис под проливным дождём в промокших сапогах — и прямо у лифта налетела на владельца всего нашего строительного холдинга. Руслан Корсаков. Суровый, жёсткий человек с недосягаемого двадцать пятого этажа, который после предательства в прошлом не верит ни одной женщине на свете.Я думала, он уволит меня в ту же минуту. Но из моей промокшей папки прямо к его ногам выпала чужая фальшивая накладная на двенадцать миллионов рублей.. ХЭ гарантирован!

© Таль Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 14

Богдана Таль
Личный ревизор для босса

Глава 1

БОГДАНА ТАЛЬ

Глава 1. Жёлтые ценники и чужие духи

Октябрьский дождь стучал по запотевшему стеклу переполненного автобуса, размывая красные огни вечерней пробки в длинные мутные полосы.

Я стояла на одной ноге у средней площадки, зажатая со всех сторон мокрыми куртками и чужими зонтами, одной рукой держалась за холодный поручень, а другой бережно прижимала к животу бумажный свёрток. В свёртке лежали два заварных кольца с творожным кремом из кулинарии — одно для Тёмки, другое для Игоря. Себе я брать не стала: до зарплаты оставалось ещё четыре дня, а в понедельник утром банк автоматически спишет с карты тридцать восемь тысяч пятьсот рублей за ипотеку.

Левый сапог окончательно промок ещё на переходе у остановки. Трещину в подошве я заметила три дня назад, но в мастерской за ремонт попросили две тысячи, и я решила потерпеть до ноябрьского аванса — просто подкладывала вторую войлочную стельку. Ничего, добегу от остановки до подъезда быстро, а дома поставлю на батарею.

Зато сегодня была пятница. И не просто пятница — пять лет со дня нашей с Игорем свадьбы.

Конечно, на ресторан денег сейчас не было: в сентябре пришлось собирать Тёмку во второй класс, а цены на школьную форму и рабочие тетради в этом году кусались так, будто их печатали на золотой фольге. Но я ещё вчера достала из морозилки кусок хорошей свинины, замариновала его в горчице и травах, чтобы запечь с картошкой, и купила баночку маринованных опят, которые Игорь так любил.

Я выскочила из автобуса на своей конечной остановке у старых пятиэтажек и раскрыла зонт. Его тут же вывернуло порывом ледяного ветра, и я почти бегом бросилась через тёмный двор, перепрыгивая глубокие лужи.

В окнах нашей квартиры на четвёртом этаже горел свет. И на кухне, и в спальне.

Сердце радостно дрогнуло: значит, Игорь сегодня вернулся из своего автосалона пораньше! Обычно по пятницам он задерживался до десяти, ссылаясь на капризных клиентов и отчёты перед шефом.

Я поднялась на четвёртый этаж, переводя сбившееся дыхание, вытерла мокрые сапоги о коврик и повернула ключ в замке.

— Игорёк, ты уже дома? — позвала я с порога, ставя мокрый зонт в угол и улыбаясь. — А я творожные кольца купила, свежие, ещё…

Слова застряли у меня в горле.

Посреди узкого коридора стояла большая спортивная сумка Игоря, набитая до отказа, и его зимний кофр с костюмами. А на вешалке у двери висел чужой женский плащ — кремовый, кашемировый, явно безумно дорогой. От него на всю нашу маленькую прихожую с выцветшими обоями в мелкий цветочек пахло тяжёлыми, сладкими французскими духами.

Я медленно опустила глаза вниз. На моём стареньком коврике рядом с ботинками мужа стояли изящные бежевые ботильоны на тонкой шпильке. Тридцать шестой размер. И подошва у них была идеально сухой — сюда не шли пешком от автобусной остановки по лужам, сюда подъехали на машине к самому подъезду.

Внутри у меня всё оборвалось и покатилось куда-то в холодную, звенящую пустоту. Бумажный свёрток с пирожными в пальцах вдруг стал неподъёмным.

Из нашей спальни вышли двое.

Первым — Игорь, в своей лучшей белой рубашке и новом джемпере, который я две недели назад выбирала ему на распродаже. За ним, брезгливо оглядывая нашу тесную прихожую и старый холодильник у входа на кухню, шла молодая девушка лет двадцати двух — с длинными наращёнными ресницами, пухлыми накрашенными губами и ключами от красного «Мерседеса» на указательном пальце.

Я узнала её по фотографиям с летнего корпоратива автосалона. Алина. Младшая дочь владельца сети, у которого работал мой муж.

Увидев меня — бледную, в промокшем на плечах сером пальто, со сбившейся от ветра русой прядью на щеке и с этим жалким кульком из кулинарии в руке, — Игорь поморщился. Не от стыда. От досады, что я пришла на десять минут раньше и испортила ему красивый уход.

— Хорошо, что пришла, Ник, не придётся записку оставлять, — заговорил он быстро и развязно, стараясь не смотреть мне в глаза. — В общем, мы с Алиной уезжаем. Я от тебя ухожу. Насовсем. Не надо сейчас сцен и слёз, давай как цивилизованные люди.

В ушах зашумело, как будто я всё ещё ехала в том гудящем автобусе. Я смотрела на мужа, с которым прожила пять лет, которому по утрам варила овсянку, которого ждала ночами с горячим ужином, — и не узнавала его лица.

— Уходишь? — одними губами переспросила я. — Сегодня? В нашу годовщину?

Алина за его спиной тихо фыркнула, демонстративно поправляя ремешок брендовой сумочки, которая стоила как пять моих месячных зарплат в бухгалтерии, и небрежно бросила:

— Котик, я подожду тебя в машине. Тут у вас чем-то жареным с лестницы тянет, у меня сейчас плащ пропахнет.

Она протиснулась мимо меня к двери, даже не удостоив меня взглядом, словно я была пустым местом или вешалкой в углу, и зацокала каблуками вниз по ступенькам.

Я стояла, прижавшись спиной к стене, чтобы не покачнуться. Левая нога в мокром сапоге совсем онемела от холода.

— Игорёк… — голос предательски дрогнул, сорвавшись на шёпот. — Как же так? Ты ведь ещё утром меня целовал перед работой… Спрашивал, что купить к чаю…

— Ну а что мне надо было делать, скандал устраивать перед сменой?! — раздражённо огрызнулся он, подхватывая с пола спортивную сумку. — Ника, открой глаза! Наши отношения давно изжили себя! Я молодой, перспективный мужик, мне расти надо, отец Алины меня со следующего месяца ставит управляющим филиалом! А с тобой что? С тобой же тоска зелёная! Вечная экономия, вечные жёлтые ценники, эта твоя швейная машинка трещит по ночам над ухом, ипотека эта удавочная ещё на двенадцать лет, Тёмка твой со своими кружками! Ты на себя в зеркало посмотри — ты же в тридцать один год превратилась в тётку, у которой в голове только котлеты и квитанции за ЖКХ! Я жить хочу, понимаешь, жить, а не копейки с тобой до аванса считать!

Каждое его слово падало мне на грудь, как булыжник, выбивая воздух из лёгких.

Вечная экономия. Жёлтые ценники. Швейная машинка по ночам.

А почему я сидела за этой машинкой до двух часов ночи, подшивая чужие брюки и шторы, пока у меня не начинали болеть глаза и спина? Не потому ли, что полгода назад ты сам разбил в гололёд чужую машину, и я молча отдала все свои отпускные и взяла ночные подработки, чтобы закрыть твой долг и вытащить тебя из беды?! Почему я ходила в сапогах с треснувшей подошвой, пока покупала тебе новые джемперы и ботинки, «чтобы тебе не стыдно было перед клиентами в автосалоне»?!

Я хотела крикнуть ему это в лицо. Но горло перехватило такой острой, удушающей болью, что я не смогла выдавить ни звука. Только пальцы так сильно сжали бумажный пакет, что картонная коробочка внутри хрустнула, и творожный крем выдавился сквозь бумагу.

— Ключи на тумбочке, — бросил Игорь, уже открывая входную дверь. — На развод подам на следующей неделе. И не звони мне, не позорься.

Дверь захлопнулась.

Я осталась стоять в полутёмном коридоре одна. Из комнаты вышел наш старый рыжий кот Персик, потёрся щекой о мою мокрую щиколотку и вопросительно мяукнул.

В квартире было тихо. Только капала вода с моего зонта на линолеум: *кап… кап… кап…*

Я медленно прошла на кухню, положила раздавленные пирожные на стол и опустилась на табуретку. В голове шумел туман. Руки тряслись так, что я не сразу попала пальцем по экрану телефона.

На холодильнике под магнитиком висел листок с нашим графиком платежей. В понедельник банк списывал тридцать восемь тысяч пятьсот рублей за ипотеку. Свои двадцать тысяч я положила на счёт ещё с расчёта на прошлой неделе, а оставшиеся восемнадцать с половиной Игорь всегда переводил со своей зарплаты.

Я открыла банковское приложение. На счету по-прежнему лежали только мои двадцать тысяч сорок рублей.

Дрожащими пальцами я набрала его номер. Он сбросил вызов, и через секунду в мессенджер прилетело голосовое сообщение, записанное под шум мотора:

«Ник, если ты насчёт ипотеки — я в этом месяце переводить не буду. Я же из квартиры съехал, с какой стати я должен платить за жильё, в котором не живу? У меня сейчас свои расходы на переезд. Попроси на работе аванс или возьми заказ на пошив, выкрутись как-нибудь сама».

Телефон глухо стукнулся о клеёнку стола.

Три дня до списания. И восемнадцать с половиной тысяч рублей, которых у меня просто не было.

Я посмотрела на приоткрытую дверцу духовки, где в стеклянной форме ждало замаринованное мясо к нашему пятилетию. Потом перевела взгляд на дверцу холодильника, где под магнитиками из Анапы висела наша любимая фотография. Мы с Игорем и маленьким Тёмкой на набережной, едим одно большое мороженое на троих, и Игорь смотрит на меня такими тёплыми, влюблёнными глазами, что у всех подруг захватывало дух.

Я протянула руку, сняла фотографию с дверцы, прижала её к груди и впервые за этот вечер заплакала.

Горько, навзрыд, захлёбываясь слезами, уткнувшись лбом в согнутый локоть на кухонном столе. Мне было так страшно, так больно и так невыносимо обидно, будто меня вышвырнули из поезда на полном ходу в ледяную осеннюю грязь. За что? За то, что любила? За то, что берегла каждую копейку ради нашего дома? За то, что верила каждому его слову?..

Хорошо, что Тёмку на эти выходные забрала к себе мама — иначе я бы просто не смогла объяснить сыну, почему мама сидит на полу у кухни и не может перестать плакать.

Всю субботу и воскресенье я почти не спала.

Слёзы катились сами собой, стоило мне увидеть в ванной пустой стаканчик, где ещё вчера стояла его зубная щётка, или пустую половину шкафа с сиротливо болтающимися проволочными плечиками. Ночью я лежала в холодной, сразу ставшей огромной постели и вытирала мокрые щёки углом пододеяльника, листая в телефоне наши старые снимки. Вот наша роспись в ЗАГСе, вот платье, которое я шила сама, вот Игорь кружит меня на руках по первому

снегу… Сердце ныло тупой, тянущей болью, отказываясь верить, что пять лет жизни можно перечеркнуть за десять минут в прихожей.

Но плакать долго я не имела права. Мне нужно было где-то достать деньги до понедельника.

За выходные я обзвонила всех постоянных клиенток по шитью и взяла срочный заказ на пошив плотных портьер в загородный дом. Я просидела за швейной машинкой почти тридцать часов без перерыва, исколов пальцы иглами и выпив литр крепкого чая. Заказчица расплатилась в воскресенье вечером — перевела на карту двенадцать тысяч рублей.

Теперь на счету лежало тридцать две тысячи сорок рублей.

До полной суммы списания мне всё ещё не хватало шести тысяч четырёхсот шестидесяти рублей.

Оставался только один выход: приехать в офис нашего холдинга «Корсаков-Строй» пораньше и умолять главбуха Тамару Игоревну выписать мне внеплановый аванс в семь тысяч рублей в счёт отработанных октябрьских смен.

Утро понедельника встретило меня проливным ледяным дождём и пронизывающим ветром.

От недосыпа и двух дней слёз голова звенела, веки припухли, а лицо в зеркале казалось прозрачно-бледным, почти детским, с огромными тёмно-синими глазами на пол-лица. Я надела старенькое пальто и те самые прохудившиеся сапожки, подложив внутрь целлофановый пакет, чтобы не промочить ноги хотя бы по дороге на работу.

Но когда автобус подъехал к остановке у нашего бизнес-центра, толпа сзади вытолкнула меня из дверей. С высокой подножки я ступила прямо в глубокую ледяную лужу, разлившуюся у забитой ливнёвки вдоль бордюра. Целлофан не спас — холодная вода хлынула через край трещины, и сапоги промокли в первую же секунду.

Я прижала к груди картонную папку с первичными накладными за прошлую неделю, которые проверяла в перерывах между шитьём. Почти бегом бросилась под козырёк и влетела во вращающиеся стеклянные двери сверкающего холла «Корсаков-Строй».

В холле было тепло, пахло дорогим камнем, кофе и чужим благополучием. До начала рабочего дня оставалось двадцать минут — рядовые сотрудники ещё не подошли, и просторный мраморный зал перед лифтами пустовал.

Я спешила проскочить к нашему служебному лифту на третий этаж, пока никто не увидел мои промокшие сапоги и потемневший от дождя подол пальто. Но на скользком мокром граните каблук предательски поехал в сторону.

Я ахнула, потеряв равновесие, и со всего маху налетела на человека, который в эту секунду выходил из закрытого VIP-коридора дирекции.

Твёрдая, как каменная стена, мужская грудь в расстёгнутом чёрном кашемировом пальто приняла удар. От неожиданности картонная папка выскользнула из моих замёрзших пальцев, тесёмки развязались, и полсотни листов накладных белым веером разлетелись по мокрому мраморному полу.

— Простите! Господи, извините, пожалуйста, я не заметила… — пролепетала я, приседая на корточки и судорожно собирая разъезжающиеся листы исколотыми швейной иглой пальцами.

И только когда я потянулась за последним листом, замершим у самого носка безупречного мужского ботинка, и подняла голову, сердце у меня от ужаса пропустило удар.

Надо мной возвышался сам Руслан Вадимович Корсаков.

Владелец и генеральный директор всего холдинга. Человек с двадцать пятого этажа, которого мы, рядовые девочки из бухгалтерии с третьего, видели только издалека на годовых собраниях да на фотографиях в деловых журналах. Его крутым, беспощадным нравом главбух пугала нас при каждой квартальной проверке.

Вблизи он казался ещё выше и суровее. Широкие плечи, густые тёмные волосы с благородной сединой на висках, жёсткая линия губ и тяжёлый, пронизывающий насквозь взгляд почти чёрных глаз.

Он медленно опустил взгляд на мои руки с красными точками от иголок на подушечках пальцев и на старенькое мокрое пальто. А потом посмотрел мне прямо в глаза — как я ни старалась припудрить лицо, они всё ещё выдавали две ночи безудержных слёз.

Корсаков нахмурился. Вместо того чтобы пройти мимо или рявкнуть на неуклюжую сотрудницу, он молча наклонился и перехватил с пола последний лист накладной прежде, чем я успела его коснуться. И вдруг замер, вглядываясь в цифры и подпись внизу бланка.

Его лицо мгновенно изменилось — стало жёстким и хищным.

— Вы из какого отдела? — глухо спросил он, даже не отдавая мне лист.

— Из… из расчётного, Руслан Вадимович. Третий этаж, первичная документация. Орлова Вероника, — прошептала я, чувствуя, как от страха потерять единственную работу в день списания ипотеки у меня начинают дрожать губы.

— Первичная документация, значит, — он шагнул ко мне ближе, глядя сверху вниз так пристально, что я невольно вжала голову в плечи. — И давно вы, Вероника Орлова, подписываете к оплате фиктивные накладные на двенадцать миллионов рублей?

Глава 2

Глава 2.1. Чужая подпись

В его личном лифте пахло натуральной кожей, холодным металлом и каким-то горьковатым, терпким мужским парфюмом, от которого у меня с непривычки кружилась голова.

Я стояла в самом углу зеркальной кабины, судорожно прижимая к груди злополучную картонную папку, и боялась поднять глаза. С подола моего пальто на идеально отполированный пол капала дождевая вода. Левая нога в прохудившемся сапоге совсем закоченела, а сердце колотилось где-то в самом горле — часто-часто, как у пойманной птицы.

Двенадцать миллионов. Он сказал — фиктивная накладная на двенадцать миллионов рублей.

Если меня сейчас уволят по статье за утрату доверия или, ещё страшнее, повесят на меня чужую растрату — всё кончено. Мне не то что аванс в семь тысяч никто не даст, я вообще никогда в жизни не устроюсь бухгалтером даже в самый захудалый ларёк. Ипотека, Тёмка, мама с её больным сердцем…

В висках застучало так сильно, что зеркальные стены лифта поплыли перед глазами. За двое суток я спала от силы три часа над швейной машинкой, а со вчерашнего утра во рту не было ни крошки, кроме пустого чая.

Корсаков стоял в полушаге от меня, высокий и мрачный, убрав одну руку в карман пальто, а в другой сжимая лист с накладной. Он не кричал. Просто молча смотрел на моё отражение в зеркале лифта — на мокрую прядь, прилипшую к бледной щеке, на синие круги под глазами, на то, как мелко дрожат мои пальцы на картонной папке.

Двери бесшумно разъехались на двадцать пятом этаже. Здесь не было привычного гула нашего общего зала на третьем, где в одной комнате сидели двадцать девочек, стучали клавиши и вечно гудел старый принтер. Здесь лежал мягкий серый ковёр, поглощавший звуки шагов, и стояла торжественная, пугающая тишина.

— Проходите, — коротко бросил Корсаков, пропуская меня в огромный кабинет с панорамными окнами во всю стену, за которыми в серой пелене октябрьского ливня тонула Москва.

Он сбросил пальто на спинку кожаного дивана, прошёл к массивному столу из тёмного дерева и положил злополучный лист на столешницу.

— Подойдите сюда, Орлова. И смотрите.

Я подошла на негнущихся ногах, остановившись у края стола.

На бланке приходной накладной значилась поставка финского влагостойкого гипсокартона и сухих смесей на наш строящийся жилой комплекс «Речной» на сумму двенадцать миллионов четыреста тысяч рублей. Внизу стояла круглая печать склада, размашистая подпись начальника снабжения Ковалёва и… штамп «Проверено. В реестр оплаты», под которым аккуратным, знакомым до последней петельки почерком красовалась моя фамилия и моя роспись.

У меня перехватило дыхание.

Подпись была похожа на мою как две капли воды. Кто-то очень старательно, возможно, через стекло на просвет, перевёл мой росчерк со старых ведомостей. Но этот кто-то не знал одной маленькой детали.

— Это не моя подпись, Руслан Вадимович, — прошептала я пересохшими губами.

Корсаков скрестил руки на груди, глядя на меня сверху вниз тяжёлым, непроницаемым взглядом тёмных глаз:

— То есть бумага выпала лично из вашей папки, а подпись на ней — не ваша? Интересная версия. Продолжайте.

— Она выпала из моей папки именно потому, что в пятницу вечером я отказалась проводить её в базе! — голос мой сначала дрожал и срывался от волнения, но страх за Тёмку и за

наше единственное жильё заставил меня собраться. Я перевернула лист обратной стороной и показала ему верхний правый уголок, где моим мелким, аккуратным почерком были выписаны карандашом столбики цифр. — Посмотрите вот сюда. Эту накладную принёс перед концом рабочего дня заместитель Тамары Игоревны, Денис Олегович. Сказал, что поставщик горит, нужно срочно поставить штамп и пустить в реестр.

Корсаков чуть подался вперёд, вглядываясь в мои карандашные расчёты.

— И почему вы не пустили?

— Потому что дядя Миша — Михаил Петрович, старший кладовщик на «Речном» — на днях просил у меня справку для пенсионного фонда, — я сглотнула комок в горле. — Мы с ним разговорились, и он пожаловался, что третий ангар на объекте залило грунтовыми водами ещё во вторник. Все поставки сухих смесей перенесли на следующую неделю, принимать товар просто некуда. А в этой накладной написано, что в пятницу утром в третий ангар якобы разгрузили двадцать фур смесей! Я проверила по путевым листам охраны на воротах — ни одной такой фуры на объект не заезжало.

В кабинете стало очень тихо. Было слышно только, как за толстым стеклом шумит дождь.

— Я не стала ставить штамп, — продолжала я тихо. — Я положила оригинал без визы к себе в папку, чтобы за выходные пересчитать всю сверку по этому поставщику и доложить Тамаре Игоревне. Но я оставляла папку в тумбочке, когда ходила на склад за архивом, а потом торопилась на автобус и забрала её домой, не заглянув внутрь. Кто-то вытащил пустой бланк и вложил мне этот — с уже подделанной подписью. Если вы посмотрите под лупой, то увидите: я в конце росчерка всегда отрываю ручку перед точкой, у меня старая привычка со школы. А здесь линия проведена слитно.

Корсаков молчал.

Он взял со стола тяжёлое увеличительное стекло в серебряной оправе и поднёс к моей подписи на бланке. Потом открыл мою папку, вытащил оттуда соседнюю накладную и сравнил оба росчерка.

Секунда. Вторая. Пятая.

Его лицо медленно каменело, а в глубине чёрных зрачков разгорался такой холодный, опасный огонь, что мне стало страшно за того, кто подложил этот лист в мою тумбочку.

Он сразу всё понял. Двенадцать миллионов должны были уйти сегодня по электронному реестру на фирму-однодневку. А когда через месяц на затопленном складе вскрылась бы недостача двадцати фур, все стрелки сошлись бы на одной тихой, безответной бухгалтерше с третьего этажа — ведь даже бумажный оригинал с её «подписью» лежал у неё в папке.

Идеальный козёл отпущения. Девочка, за которую некому заступиться.

Корсаков отложил лупу. Медленно поднял взгляд на меня — и впервые посмотрел не как на мелкую сошку из общего отдела, а долго, пристально, словно видел меня впервые.

Его взгляд задержался на моих пальцах, которыми я всё ещё прижимала к себе картонную обложку папки. Подушечки указательного и среднего пальцев на обеих руках были густо исколоты швейной иглой — мелкие красные точки и заживающие царапинки от тридцати часов работы с плотной портьерной тканью.

— Что у вас с руками, Вероника? — вдруг спросил он совсем другим, приглушённым голосом.

Я вздрогнула и машинально спрятала ладони под обшлаги мокрого пальто, густо покраснев до самых корней волос:

— Ничего… Я просто шью дома на выходных. Портьеры плотные попались, без напёрстка торопилась.

Он нахмурился ещё сильнее, опустил глаза ниже — на мои промокшие насквозь сапоги, вокруг которых на его светлом ковре уже расплылось тёмное влажное пятно, — и коротко выдохнул.

— Значит, так, Вероника, — сказал он негромко, забирая со стола фальшивую накладную и запирая её в верхний ящик своего стола на ключ. — О том, что вы мне сейчас рассказали, на третьем этаже не должна знать ни одна живая душа. Ни ваша Тамара Игоревна, ни её заместитель Денис, ни ваши подружки за соседними столами. Для всех вы просто потеряли эту накладную по дороге или забыли дома. Понятно?

— Понятно, Руслан Вадимович.

— Сегодня в шесть вечера, когда ваш отдел уйдёт домой, вы не уходите. Поднимитесь ко мне на двадцать пятый этаж со всеми реестрами по складу «Речной» за последние три месяца. Мы проверим каждую фуру лично. Все сверхурочные часы будут оплачены в двойном размере через бухгалтерию дирекции. Вопросы есть?

Сверхурочные. Через неделю, в зарплату.

А сегодня банк спишет тридцать восемь тысяч пятьсот рублей за ипотеку. Свои двадцать тысяч с расчёта и двенадцать тысяч, которые я заработала за эти бессонные выходные на пошиве штор, я уже закинула на карту — вместе со старым остатком там лежало тридцать две тысячи сорок рублей. До полной суммы мне не хватало всего шести тысяч четырёхсот шестидесяти рублей.

Я набралась смелости и уже открыла рот, чтобы попросить о небольшом авансе в семь тысяч за отработанные две недели октября. Но в этот момент на столе Корсакова зазвонил внутренний селектор, а в приёмную вошли какие-то солидные мужчины. Я поняла, что язык у меня просто не повернётся клянчить у владельца холдинга такую мелочь. Сама решу внизу у Тамары Игоревны.

— Нет вопросов, — тихо сказала я, прижимая папку к груди. — Я приду в шесть.

На третьем этаже меня ждал привычный муравейник.

Я повесила мокрое пальто в общий шкаф у двери, незаметно протёрла бумажной салфеткой сапоги и села за свой угловой стол у самого окна, от которого нещадно дуло. Ноги в мокрых колготках свело ледяным спазмом. Я придвинула их поближе к старенькому масляному обогревателю под столом, но включать его побоялась: Тамара Игоревна вечно устраивала скандалы за «перерасход казённого электричества».

В десять тридцать на телефон пришло первое автоматическое СМС от банка:

«Уважаемая Вероника Сергеевна! Напоминаем, что сегодня, 19.10, произойдёт списание ежемесячного платежа по ипотечному договору в размере 38 500,00 руб. Текущий баланс счёта: 32 040,00 руб. Недостающая сумма: 6 460,00 руб. Пожалуйста, пополните счёт во избежание начисления неустойки и пересмотра процентной ставки».

Шесть тысяч четыреста шестьдесят рублей.

Я посидела минуту, глядя на мигающий курсор на мониторе, потом встала и пошла в стеклянный закуток нашего главного бухгалтера Тамары Игоревны.

Тамара Игоревна — грузная дама пятидесяти пяти лет в золотых перстнях и с высокой лакированной причёской — пила кофе с конфетами из подарочной коробки вместе со своим племянником и заместителем Денисом Олеговичем. Увидев меня на пороге, Денис Олегович хищно оживился:

— О, Вероника! А ты реестр по «Речному» на двенадцать миллионов уже вбила в программу? Там поставщик звонил, ждёт платёжку!

Я посмотрела в его сытое, самодовольное лицо с аккуратными усиками и отчётливо поняла, чья именно рука переводила мою подпись через стекло.

— Я не нашла у себя в папке ту накладную, Денис Олегович, — ровно сказала я, как велел Корсаков. — Наверное, вы её обратно забрали на доработку. Без оригинала я проводить не могу.

Денис Олегович переглянулся с тёткой, и его лицо мгновенно стало кислым.

— Тамара Игоревна, — я шагнула к столу главбуха, чувствуя, как от стыда и унижения начинают гореть уши. — Я по личному вопросу… Можно мне написать заявление на внеплановый аванс в счёт отработанных за октябрь смен? Всего семь тысяч рублей. У меня сегодня списание по ипотеке, а дома… в общем, непредвиденные семейные обстоятельства. Я всё отработаю на квартальном отчёте.

Тамара Игоревна медленно отпила кофе из фарфоровой чашки, окинула меня ледяным взглядом поверх очков и громко, так, чтобы через открытую дверь услышали все двадцать девочек в общем зале, произнесла:

— Орлова, у нас тут строительный холдинг или касса взаимопомощи для бедных? Аванс был десятого числа! Расчётный отдел закрыл ведомости, никто ради твоих семи тысяч гонять платёжки через казначейство не будет!

В общем зале разом стих стук клавиатур. Я спиной почувствовала десятки любопытных взглядов.

— Тамара Игоревна, пожалуйста, — прошептала я, опуская глаза в пол, чтобы никто не увидел, как задрожали ресницы. — Я три года ни разу не просила и на больничный не уходила… Мне только до зарплаты перехватить…

— Меньше надо замуж выходить за кого попало и кредитов набирать не по карману! — отрезала главбухша, брезгливо пододвигая ко мне стопку счетов-фактур. — Всем сейчас тяжело, Вероника! Жить надо по средствам! Иди работай и не отвлекай людей глупостями!

Я молча забрала стопку бумаг и вернулась за свой стол. Щёки пылали так, будто мне при всех дали пощёчину. Соседка по столу, молоденькая Светочка, сочувственно вздохнула и тихонько подвинула ко мне половинку своего яблока, но я не смогла проглотить ни кусочка — в горле стоял каменный ком. У самой Светочки на прошлой неделе заболела мама, и я знала, что у девчонки на карте до получки гуляет ветер, а больше в нашем отделе занять было не у кого.

В обед, когда все ушли в столовую, я закрылась в тесной кабинке женского туалета на третьем этаже, села на опущенную крышку, достала телефон и сделала то единственное, чего клялась себе не делать ни за что на свете.

Набрала номер Игоря.

Глава 3

Глава 2.2. Ночной этаж

У меня просто не было другого выхода. Если сегодня до полуночи банк зафиксирует просрочку, со следующего месяца мой платёж вырастет с тридцати восьми до пятидесяти двух тысяч в месяц — по условиям договора при нарушении графика слетала льготная ставка застройщика. Мы с Тёмкой этого просто не вытянем.

Гудки шли долго. Я молилась всем святым, чтобы в нём проснулась хоть капля человеческой совести. Ведь я не просила даже все его восемнадцать с половиной тысяч, которые он обещал внести за октябрь и не внёс! Только шесть с половиной — чтобы закрыть дыру до полуночи!

— Чего тебе, Ник? — раздался наконец в трубке его недовольный, сытый голос. На заднем плане играла какая-то бодрая музыка, звенели приборы и смеялась Алина. Они обедали в ресторане.

— Игорь… — я прижала свободную ладонь к губам, чтобы он не услышал, как предательски дрожит мой голос. — Игорь, пожалуйста… Переведи мне хотя бы шесть с половиной тысяч из твоей октябрьской доли за квартиру. Только шесть с половиной! Остальные двенадцать я уже сама заработала за выходные на шторах. Сегодня списывают ипотеку, а Тамара Игоревна не подписала мне аванс… Если сегодня будет просрочка, банк снимет льготную ставку, мы с Тёмкой квартиру не потянем… Я верну тебе с зарплаты, клянусь!

В трубке повисла короткая пауза. А потом капризный девичий голосок Алины совсем рядом с микрофоном громко протянул:

— Котик, ну кто там опять ноет? Мы десерт будем заказывать или нет? Я хочу фисташковый мильфей!

— Да сейчас, зая, закажем, — ласково отозвался Игорь, а потом снова заговорил со мной — сухо, раздражённо, сквозь зубы: — Ника, ты глухая? Я же тебе русским языком объяснил: нет у меня сейчас свободных денег! Я за страховку отдал, мы с Алиной мебель в новую квартиру присматриваем, у меня расходы! Почему твоя ипотека должна быть моей головной болью? Квартира твоя — ты за неё и плати. Выкрутись как-нибудь сама! И хватит мне названивать в рабочее время, ты меня позоришь перед людьми!

Короткие гудки ударили по ушам.

Пи-пи-пи…

Я медленно опустила руку с телефоном на колени.

Шесть с половиной тысяч рублей. Цена четырёх порций фисташкового десерта в том ресторане, где он сейчас сидел с дочкой своего начальника. Цена пяти лет нашей семейной жизни.

В шесть часов, когда наш отдел с шумом и разговорами разошёлся по домам, я, как и велел Корсаков, поднялась на двадцать пятый этаж с тремя коробками первичных реестров по объекту «Речной».

Секретарша уже собирала сумочку и кивнула мне на малую переговорную комнату рядом с кабинетом генерального:

— Руслан Вадимович сейчас на закрытом совещании с банками по видеосвязи, велел вам располагаться здесь и сводить таблицы. Как освободится — подойдёт.

Я села за длинный полированный стол, открыла ноутбук и принялась вбивать в таблицу номера накладных, сверяя тоннаж цемента и гипсокартона. Чем глубже я копала бумаги

Дениса Олеговича и начальника снабжения Ковалёва, тем страшнее становилась картина. За три месяца через склад «Речного» провели «мёртвых» стройматериалов почти на сорок миллионов рублей, а на половине документов стояли такие же искусно подделанные подписи рядовых девочек из нашего отдела.

К восьми часам бизнес-центр окончательно опустел.

Уборщицы пропылесосили коридоры, погасили большой свет в холлах, и на этажах остались гореть только тусклые дежурные светильники. А я всё сидела над реестрами. Цифры расплывались перед глазами. От голода и трёх суток без сна руки стали совсем ватными, а в висках билась тупая, раскалённая боль.

В восемь сорок пять телефон на столе коротко тренькнул.

Я схватила его ледяными пальцами и прочитала:

«Первая попытка списания ежемесячного платежа по ипотечному договору № 4418-ИП отклонена. Причина: недостаточно средств на счёте (не хватает 6 460,00 руб.). Контрольная попытка списания перед фиксацией просрочки и отменой льготной ставки состоится сегодня в 23:59».

Всего шесть тысяч четыреста шестьдесят рублей отделяли меня от катастрофы, и взять их до полуночи в этом огромном городе мне было больше негде.

В переговорной вдруг стало так душно, что я не смогла сделать вдох. Перед глазами поплыли чёрные круги.

Я встала из-за стола, боясь потерять сознание прямо над бумагами, толкнула дверь и вышла в полутёмный коридор двадцать пятого этажа, где у пожарной лестницы было приоткрыто узкое окно для проветривания.

Свежий, морозный октябрьский воздух ударил в лицо. Я опустилась прямо на широкий мраморный подоконник в тёмной нише за колонной, подтянула замёрзшие ноги под себя и прижалась горячим лбом к ледяному стеклу.

На экране телефона, который я сжимала в руке, всё ещё стояла прежняя заставка — в суматохе этих страшных выходных я так её и не поменяла. Мы с Игорем и Тёмкой прошлым летом в парке Горького: муж держит меня за талию и смотрит с такой нежностью, будто никогда никому не отдаст…

«Котик, ну кто там опять ноет?..»

«Квартира твоя — ты за неё и плати, выкрутись как-нибудь сама…»

Силы кончились. Вся моя выдержка, на которой я тянула эти три бесконечных дня, осыпалась, как сухой песок. Я уткнулась лицом в ладони и беззвучно, горько расплакалась в темноте пустого этажа, вздрагивая худыми плечами. Мне было так страшно перед завтрашним днём, так одиноко в этом огромном тёмном здании, что казалось — если я сейчас просто закрою глаза и растворюсь в воздухе, никто в этом мире, кроме маленького Тёмки и мамы, даже не заметит моего исчезновения.

— Орлова?..

Низкий, глухой мужской голос раздался совсем рядом, вырывая меня из темноты.

Я вскрикнула от неожиданности, резко дёрнулась, пытаясь соскочить с высокого подоконника и спрятать мокрое от слёз лицо.

Но онемевшие ноги не послушались, а от резкого движения в голодной голове полыхнула такая ослепительная вспышка темноты, что пол накренился и стремительно полетел мне навстречу.

Я даже не успела испугаться падения.

Сильные мужские руки перехватили меня на лету, не дав упасть на мраморный пол. Меня легко, словно пушинку, прижали к широкой тёплой груди, пахнущей кедром, табаком и горьким бергамотом.

— Тихо, тихо, держу… — прозвучал над самым ухом встревоженный голос Руслана Корсакова. Его горячая ладонь легла мне на затылок, прижимая мою голову к плечу. — Да ты же вся ледяная и легче воробья… Когда ты вообще ела в последний раз, горе луковое?